

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 316.4

Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени

В. В. Маленков, Н. В. Мальцева

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Для цитирования: Маленков В. В., Мальцева Н. В. Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 159–174. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.203>

Актуальность изучения моделей патриотизма и особенностей их воспроизводства в сознании студенческой молодежи связана с необходимостью трансформации системы патриотического воспитания, направленной на раскрытие гражданского потенциала и формирование гражданственности. Цель статьи — описать структуру представлений студенческой молодежи о патриотизме, выявить масштабы репрезентации разных типов патриотизма, их взаимосвязь с гражданским сознанием и различными формами активности в социально-политическом пространстве общества. Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса студентов высших учебных заведений города Тюмени, проведенного в феврале — марте 2023 г. ($N = 554$). На первом этапе обработки данных использовались анализ частотных таблиц и метод ранжирования. Проведено сравнение полученных результатов с аналогичным исследованием 2019 г. ($N = 577$). На втором этапе с помощью анализа латентных классов выделены кластеры респондентов с различающимися представлениями о патриотизме. Анализ таблиц сопряженности и однофакторный дисперсионный анализ позволили выявить различия между кластерами по параметрам гражданско-патриотического сознания и гражданской активности. Наблюдается устойчивая связь с базовыми социокультурными привязанностями (родная земля, язык, традиции) как составляющими представлений студенческой молодежи о патриотизме, а также традиционно прослеживается тесная взаимосвязь между патриотизмом и государством. К ядру патриотических представлений также можно отнести стремление развивать страну, город; осознание долга и гражданских обязанностей; причастность к прошлому, настоящему и будущему страны; готовность к защите Отечества от внешних угроз. Выделено четыре содержательных профиля патриотизма: государственный, культурно-исторический, охранительный, гражданский, а также два профиля — плюральный и сингулярный,

характеризующиеся широким и узким пониманием патриотизма. Описаны сходства и различия гражданско-патриотических ориентаций и опыта гражданского участия представителей выделенных кластеров.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданский патриотизм, гражданские ценности, студенческая молодежь.

Введение

Более 20 лет назад была принята национальная доктрина образования, декларирующая воспитание патриотизма как свою ключевую задачу¹. За это время были реализованы четыре государственные программы патриотического воспитания граждан. Действие последней завершилось в 2020 г. С начала 2021 г. действует федеральный проект «Патриотическое воспитание»², являющийся частью национального проекта «Образование».

Созданная за это время организационная основа охватила множество общественных и государственных структур, интегрированных в систему образования, в том числе высшего. Данный процесс активизировался с принятием в 2014 г. правового акта, закрепляющего основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в котором воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением декларируется как национальный приоритет³.

Благодаря широкой репрезентации в различных сегментах публичного дискурса патриотизм стал одним из базовых понятий российского политического словаря, важной составляющей политики идентичности. Вследствие этого на протяжении последних 20 лет степень патриотической самоидентификации находится на высоком уровне. По данным ВЦИОМ, максимальная отметка была достигнута в 2018 и 2022 гг., когда 92 % опрошенных признали себя патриотами⁴. В апреле 2023 г. доля таковых составила 91 % в целом по выборке, но в отдельных регионах и возрастных группах даже превышала эту цифру. Так, среди респондентов в возрасте 60 лет и старше доля считающих себя патриотами составила 94 %, а в группе молодежи от 18 до 24 лет — 85 %.

Поэтому можно констатировать, что актуальность проблематики патриотизма заключена не столько в количественной, сколько в качественной плоскости — перенасыщенности одних контекстов и нивелирования других. Так, А. В. Селезнева обращает внимание на терминологическую неопределенность патриотизма, выражающуюся в сужении его до абстрактной формулы «любовь к Родине», а также содержательное смещение к традиционному доминированию милитаристской

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» (утратило силу 10 апреля 2014 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771684> (дата обращения: 17.08.2023).

² Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 17.08.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 17.08.2023).

⁴ Патриотизм: мониторинг (11 апреля 2023 г.) // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 17.08.2023).

составляющей. Эти перекосы, по ее мнению, можно преодолеть посредством наполнения понятия культурно-историческим и социально-психологическим содержанием [1, с. 204]. Очевидно также, что явно недооценена гражданская составляющая данного явления, вместе с тем актуализация именно гражданско-патриотического вектора может внести значительный вклад в развитие политической культуры и процесс нациестроительства.

Чтобы очертить теоретическую рамку нашего исследования, представляется необходимым сформулировать его ключевые методологические предпосылки.

1. Эмпирический характер, описательный подход. Теоретическое осмысление рассматриваемого феномена, в отличие от сферы социальной диагностики и социального проектирования, отличается разнообразием и глубокой концептуальной проработкой, чего нельзя сказать о сфере эмпирического описания, которое зачастую весьма фрагментарно и акцентировано на определенных узких контекстах. В то же время они существуют относительно независимо друг от друга.

2. Ориентация на конструктивистский подход и теорию социальных представлений. В основе лежит понимание патриотизма как социального конструкта, смыслы которого артикулируются в некотором публичном пространстве (пространстве дискурса), а затем воспроизводятся в социальных представлениях, социальных практиках в том или ином масштабе.

3. Количественный подход, опора на метод анализа ассоциаций как эмпирической конкретизации теории социальных представлений. Эмпирическое описание форм патриотизма, в том числе предлагаемых в рамках теоретической рефлексии типов, чаще всего осуществляется через качественный подход — дискурсивный анализ и различные форматы интервью, что позволяет делать выводы о характере, но не о масштабах их репрезентации.

4. Многомерный личностно-ориентированный подход, реализованный в форме анализа латентных классов. Замеры, реализованные в рамках количественной методологии, даже при констатации факта многогранности патриотизма сосредоточены на измерении его отдельных характеристик и проявлений у объекта исследования. Это определило выбор многомерного личностно-ориентированного подхода как оптики, позволяющей рассмотреть признаки патриотизма по отдельности и в комплексе, причем не столько в их соотношении друг с другом (например, с помощью факторного анализа, часто используемого для этих целей), сколько относительно репрезентации схожих устойчивых ассоциаций в отдельных сегментах объекта исследования (с применением кластерного анализа).

Цель данной статьи — описать структуру представлений студенческой молодежи о патриотизме, выявить масштабы репрезентации разных типов патриотизма, их взаимосвязь с гражданским сознанием и различными формами активности в социально-политическом пространстве общества.

Концептуальная рамка исследования

Пространство теоретического осмысления патриотизма, в том числе дискурс о его типах, многослойно. На самом высоком уровне данное понятие вписано в более широкий социокультурный контекст, определяется в пространстве метакатегорий, в том числе посредством бинарных оппозиций: традиционное — современное,

локальное — национальное, пассивность — активность, неполитическое — политическое, иррациональность — рациональность, и множество других.

На макроуровне патриотизм концептуализируется в контексте взаимосвязи и противопоставления с другими значимыми социальными феноменами. Например, связь с правом четко прослеживается в понятии конституционного патриотизма Ю. Хабермаса (J. Habermas) с его апелляцией к правовому государству и публичным правам граждан (политической автономии). Элементы патриотизма содержатся в теоретической конструкции политической культуры Г. Алмонда (G. Almond) и С. Вербы (S. Verba). Значительное число работ посвящено анализу сходств и различий между патриотизмом и национализмом [2–5], взаимоотношениям с политикой [6–8], демократией и авторитаризмом [9–11].

Особое место в этом ряду занимает дискурс о соотношении патриотизма и гражданственности [12–15]. С одной стороны, последняя часто выступает как некая предельная категория, с помощью которой пытаются комплексно описывать гражданскую природу тех или иных феноменов. С другой — данные понятия зачастую идут в одной связке, а их значения оказываются взаимозаменяемыми, что особенно характерно для нашей страны.

Ключевое место в типологизации патриотизма занимает субъектная составляющая, включающая параметры его функционирования на личностном уровне: когнитивные элементы, ролевые модели, ценностные ориентации, идентичность, эмоциональная и поведенческая составляющие [1, с. 201]. На этом уровне социокультурные модели, типы, репрезентируясь в дискурсах, через политику идентичности, механизмы социализации становятся частью сознания и поведения социальных субъектов.

Предложенное Р. Шац (R. Schatz), Е. Штайб (E. Staub) и Г. Лавин (H. Lavine) различие слепого и конструктивного патриотизма оказалось весьма успешной попыткой найти универсальный язык описания форм патриотизма на субъектном уровне [16]. Они трактовались как два противоположных типа национальной привязанности: первый — часто ассоциируемый с национализмом или шовинизмом, милитаристский, невежественный и послушный, а второй — осмысленный, критический, гражданский [17, с. 88]. Характерно, что предложенные типы не были чисто теоретическими конструкциями, а опирались на разработанные и апробированные шкалы [18], которые используют ученые во всем мире для описания феномена патриотизма и выявления его масштабов в разных странах.

Еще одной значимой попыткой классификации является модель патриотической идентичности, разработанная А. Палумбо (A. Palumbo) [19]. Он выделил четыре типа патриотизма. Наиболее близким к идеальному, по его мнению, является этический (ethical patriotism), который он трактовал как инклюзивный, демократичный, горизонтальный, направленный на моральную и политическую интеграцию внутри нации как макросообщества [19, с. 331]. Распространение этического патриотизма вовне превращает его в гегемонистский (hegemonic patriotism). Противоположностью этих двух форм гражданского патриотизма являются защитный патриотизм (protective patriotism) и патриотизм, известный в русском языке как квасной, ура-патриотизм (jingoistic patriotism). Они построены на принципе исключения, дистанцирования от чужих, базируются на традиционалистских формах социальной интеграции — традиционных типах идентичности (этнической, религиозной, родоплеменной и т. д.).

Осмысление патриотизма в России имеет свою специфику, обусловленную в том числе особенностями отношений общества и власти, а также трансформационными процессами, которые пережила страна в конце XX в. В этой связи С. А. Магарил выделяет три исторические формы патриотизма в России:

- 1) имперский, державно-святоотеческий патриотизм, доминировавший в до-революционный период;
- 2) советский военизированный патриотизм;
- 3) постсоветский патриотизм, представляющий противоречивую смесь предыдущих форм и зачатки гражданской демократической культуры [20, с. 144].

В ряде публикаций рассмотрена специфика дискурса о патриотизме, сложившегося в последнее десятилетие, его содержательные особенности и механизмы формирования соответствующей патриотической идентичности [21; 22]. Авторы отмечают тесную связь этого дискурса с биополитикой, репрезентацией гендерных образцов (при этом не всегда маскулинностью), массовой мобилизацией, основанной на эффекте национальной консолидации (описываемый в литературе как эффект «rally around the flag»).

Значимые коннотации и типологии можно обнаружить при анализе попыток дифференциации политики патриотической идентичности, выделении отдельных дискурсивных полей в контексте сегментации целевых групп. Так, маскулинность и милитаризм как признаки доминирующего типа патриотизма стали значимой конструкцией в проводимой во втором десятилетии XXI в. политике идентичности, направленной на реинтерпретацию нарратива о ключевой роли рабочего класса в общественно-политических процессах страны и его противопоставление креативному классу как воплощению полной противоположности [23].

В этом же ряду — обращение группы исследователей к описанию взаимосвязи политики патриотической идентичности и молодежной политики. Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовская выделяют отдельный этап в формировании молодежной политики в России как «патриотический» (2010–2014) [24, с. 70]. Несмотря на аргументы в пользу выделения указанного этапа и достаточную обоснованность такого рода редукции, все-таки патриотизм является скорее сквозной темой, базовой для других этапов, начало которых датировано 2001 г. и которые продолжаются до сих пор. К подобным же выводам приходит Н. А. Нартова с соавторами: в описанном ими генезисе молодежной политики на каждой выделенной стадии политика формирования патриотизма проходит красной нитью, но ее содержание и форматы меняются [25].

А. В. Майборода с соавторами отмечает в качестве отличительной черты российской модели молодежной политики установку на традиционные ценности, воспитание и патриотизм [26]. Причем для последнего характерен милитаристский акцент, влияющий не только на целевую составляющую, но и выраженный в специфических формах мобилизации молодежи [27; 28].

Значительное количество работ посвящено эмпирическому анализу представлений о патриотизме с использованием качественных методов в роли ключевых и в синтезе с количественными замерами. В данных работах артикулируются некоторые типы патриотизма, например «обиженный патриотизм» [29], «мягкий патриотизм», созвучный понятию «мягкая сила» и противопоставляемый милитаристскому патриотизму [30, с. 107], локальный патриотизм как «чувство дома/места» [31].

П. Гуд анализировал репрезентацию в России основных идей патриотической политики на уровне повседневности. По результатам проведенных интервью и серии фокус-групп он делает вывод о доминировании в представлениях о патриотизме этнической составляющей над гражданской, эмоциональных определений над рациональными [32, с. 272]. По результатам другого качественного исследования авторы делают схожие выводы: аффективная привязанность («эмоциональное гражданство») среди российской молодежи превалирует над рационально-прагматическим отношением к государству [33, с. 8].

С. Ю. Асеев и Я. Ю. Шашкова используют для описания патриотического сознания старших школьников Сибирского федерального округа концепты слепого и конструктивного патриотизма. Они обнаружили, что первый наиболее характерен для национальных республик, в то время как в административных субъектах преобладает конструктивный патриотизм [34; 35]. По результатам исследования в Приволжском федеральном округе наряду с ответственностью как доминантой ключевыми типами патриотических ориентаций являются традиционный, локальный и территориальный [36, с. 69].

С. Г. Ивченков и Е. В. Сайганова, изучив саратовскую молодежь, выделили семь типов патриотических установок в зависимости от разделяемых ценностей и оценили масштабы распространения их в молодежной среде: абстрактный (32 %); традиционный (20 %); локальный (14 %); либеральный (9 %); демократический (13 %); критический (7 %); глобалистский антипатриотизм (5 %) [37, с. 118–119]. Схожие результаты получили исследователи в Орловской [38, с. 111] и Пензенской областях [39], Армавире [40, с. 32] и др.

Таким образом, в последнее время наблюдается смещение акцента в осмыслении патриотизма — переход от теоретического моделирования, построения абстрактных классификаций к эмпирическому описанию представлений, ориентаций и установок различных социальных групп. Вместе с тем инструментарий такого описания пока недостаточно разработан, а анализ полученной информации часто ограничивается одномерными методами, что не позволяет представить рассматриваемый феномен в объемном измерении.

Данные и методы

Эмпирической базой исследования является анкетный опрос, проведенный в феврале — марте 2023 г. ($N = 554$) с целью выявления ключевых параметров гражданского самосознания студентов нескольких тюменских вузов (Тюменского государственного института культуры, Тюменского государственного университета, Тюменского индустриального университета). Из них 93 % — студенты бакалавриата, 43 % — мужчины, возраст варьируется от 18 до 24 лет. В выборку не попали представители естественно-научных и технических направлений, а также отдельных творческих специальностей. Среди респондентов доминируют экономическая группа профилей («Менеджмент», «Экономика», «Экономическая безопасность»), а также «Бизнес-информатика», «Государственное и муниципальное управление», «Педагогика», «Прикладная информатика», «Сервис», «Таможенное дело», «Туризм», «Юриспруденция» (опрошено по 20–30 студентов).

В анкете предусмотрен отдельный вопрос, включающий 12 пунктов (вариантов ответа) — признаков патриотизма, из которых респондентам было предложено

выбрать наиболее соответствующие их представлениям о патриотизме. Ограничений по количеству отмеченных вариантов не было. В основе данного подхода лежит идея направленных ассоциаций, в частности методика «вынужденных» ассоциаций [41, с. 11]. При составлении возможных вариантов ответов мы опирались на результаты качественных замеров, проводимых авторами с 2005 г. Были выделены ключевые объекты и аспекты понимания патриотизма.

На первом этапе осуществлялся анализ частотных таблиц. Полученные ответы были ранжированы в соответствии с долей отметивших тот или иной вариант в целом по выборке. Количественное распределение пунктов и положение в ранговой таблице сравнивалось с данными аналогичного исследования 2019 г. ($N = 577$).

На втором этапе применялся многомерный анализ с опорой на личностно-ориентированный подход, с помощью которого была описана структура представлений о патриотизме как совокупности ассоциаций, присущих тем или иным сегментам студенческой молодежи. Для его реализации использовался анализ латентных классов [42], позволяющий выявить группы респондентов со схожей комбинацией ответов. При определении оптимального количества кластеров мы ориентировались на информационные критерии и статистики соответствия⁵, а также на показатели вероятности отнесения наблюдения к конкретному кластеру. Параллельно проводился качественный анализ структуры ответов в каждой группе.

Выделенные кластеры на третьем этапе представлялись как независимые выборки в процедурах одномерного дисперсионного анализа и анализа таблиц сопряженности, при этом в качестве зависимых переменных использовались различные показатели гражданственности — патриотическая идентичность, ценностные ориентации, опыт гражданского участия и др.

Результаты исследования

Ядром представлений о патриотизме являются такие его аспекты, как привязанность к родной земле, языку и традициям, гордость за принадлежность к государству, стремление к развитию страны, города, чувство долга, осознание своих обязанностей, — их отметили примерно половина опрошенных (см. таблицу). По сравнению с предыдущим исследованием только ассоциация с государством осталась практически на том же уровне, по остальным наблюдается рост на 5–7 %. Кроме того, зафиксированы изменения в их распределении по рангам.

Несколько актуализировалась темпоральная составляющая и трактовка патриотизма как готовности к защите Отечества от внешних угроз — прирост по этим пунктам составил 7–8 %. Чуть больше респондентов (+5 %) отметили локальную сущность явления — как привязанность к отчему дому, своей малой родине. Остальные признаки, предложенные в анкете, считают важными примерно одинаковые доли участников опросов, по некоторым из них наблюдается незначительное изменение в меньшую сторону. Так, количество считающих данное понятие устаревшим и не имеющим никакого отношения к современности, сократилось с 9 до 6 %.

По результатам применения процедуры анализа латентных классов выделено шесть кластеров, различающихся между собой по характеру и степени насыщенности ассоциативного ряда в отношении категории «патриотизм». Данные сегменты

⁵ Рассчитаны в статистическом пакете R.

**Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Что такое патриотизм с Вашей точки зрения?», %**

Варианты ответа	2019 год		2023 год	
	%	ранг	%	ранг
Привязанность к родной земле, языку, традициям	56	1	61	1
Гордость за принадлежность к государству	47	2	48	4
Стремление к развитию своей страны, города	46	3	53	2
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	43	4	50	3
Ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей родины	36	5	44	5
Готовность к защите Отечества от внешних угроз	34	6	41	6
Чувство ответственности за происходящее в стране	33	7	31	8
Привязанность к отчому дому (своей малой родине)	27	8	32	7
Готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества	25	9	23	10
Гордость за спортивные достижения России	24	10	23	9
Хорошо выполнять свою работу, дело	19	11	16	11
Это устаревшее понятие и к современной жизни не имеет никакого отношения	9	12	6	12

различаются также по параметрам гражданско-патриотической идентичности, ценностным ориентациям, степени гражданской вовлеченности и участия.

В первую очередь отметим две противоположные группы, условно обозначенные как плюральный и сингулярный профили. На них приходится пятая часть респондентов (21 %). Многовариантность представлений о патриотизме в плюральном кластере (9 %) сочетается с высокими показателями гражданственности. Две трети входящих в данный кластер студентов (67 %) однозначно причисляют себя к патриотам, остальные затруднились ответить на данный вопрос. Опыт гражданского участия в этой группе выше, чем в остальных — девять из десяти имеют такой опыт за последние два года, но по активным формам участия, требующим большей включенности, уступает кластеру, в котором превалирует гражданский образ патриотизма.

Кластер, где наблюдается акцентированная трактовка патриотизма, составил 12 % от выборки. В отличие от плюрального профиля, где респонденты отметили максимальное количество ассоциаций (в среднем по кластеру 9,2), для узкого понимания патриотизма характерно выделение минимума ассоциаций (в большинстве случаев одного или двух). В данном кластере наиболее заметными являются две содержательные позитивные характеристики патриотизма — чувство ответственности за страну и стремление к ее развитию. Характерно также критическое отношение к концепту: более трети считают патриотизм устаревшим понятием, слабо согласующимся с современностью. Здесь зафиксировано наименьшее количество молодых людей, относящих себя к патриотам (21 %). Кроме того, в этой группе респондентов

Рис. Кластеры и соответствующие им содержательные профили патриотизма (по результатам опроса 2023 г.)

наблюдаются минимальные показатели гражданственности и уровня гражданской активности (38 % не имеют опыта гражданского участия за последние два года).

Содержательные профили патриотизма можно разделить на две группы. Два из них (государственный и культурно-исторический) близки по параметрам гражданственности и гражданской активности к сингулярному профилю, тогда как охранительный и гражданский ближе к плюральному (см. рисунок).

Представление о патриотизме как гордости за принадлежность к государству, сочетающейся с чувством долга и осознанием своих гражданских обязанностей, является ключевым для профиля, обозначенного как государственный (18 %). В этом кластере наблюдаются невысокие показатели гражданской самоидентификации и средний по сравнению с другими уровень активности в гражданско-политической сфере — 22 % не имеют такого опыта, но по большинству форм участия показатели близки к средним по выборке. Данная группа характеризуется сравнительно низкой степенью патриотического самосознания. В ней каждый пятый (20 %) не считает себя патриотом — это выше, чем в целом по выборке (13 %). Однозначно к патриотам себя причисляют 37 %, затруднились с ответом 43 %.

Культурно-исторический профиль (21 %) включает студентов, для которых определяющими в понимании патриотизма являются традиционалистские ассоциации — земля, язык, малая родина, отчий дом. Однако наряду с органической трактовкой респонденты также считают важными характеристиками патриотизма ощущение причастности к истории, настоящему и будущему страны, стремление развивать ее. Показатели гражданской самоидентификации в данном кластере находятся

на среднем уровне и близки к предыдущему. Однако по двум формам активности показатели выше, чем в других кластерах, а именно: участие в социальных проектах, волонтерство (52 % против 21–47 %), голосование на выборах (20 % против 4–17 %). Всего 10 % указали на отсутствие опыта участия в гражданских практиках.

Довольно малочисленной является группа (10 %), которая ассоциирует патриотизм в категориях, максимально приближенных к его гражданской сущности, — с гражданским типом патриотизма. Молодые люди, составившие данный кластер, связывают патриотизм прежде всего со стремлением развивать свою страну, город, с интересом и ощущением причастности к прошлому, настоящему и будущему своей родины, а также с такими важными для гражданского патриотизма характеристиками, как чувство ответственности, долга, осознание гражданских обязанностей.

Характерной для данной группы особенностью является более выраженная по сравнению с другими ассоциация с одним из аспектов повседневного патриотизма — необходимость хорошо выполнять свою работу, дело отметил каждый третий, тогда как в других группах этот вариант практически не выбирался. На минимуме оказались и эссенциалистские представления, основанные на органической трактовке данного явления и апеллирующие к первичным социальным привязанностям, соответствующим объектам и социокультурным подсистемам.

Гражданское самосознание в данном сегменте неоднородно. По показателям принадлежности и привязанности оно находится в среднем диапазоне и близко к двум предыдущим кластерам, а по темпоральным ориентациям и уровню вовлеченности — на высоком уровне. По большинству форм гражданского участия данный сегмент превосходит другие, исключение составляет участие в выборах. Данный опыт отметили лишь 4 %, тогда как в целом по выборке — 14 %. В других кластерах в выборах участвовало от 11 до 20 % ответивших. Показатели патриотической самоидентификации данного и предыдущего кластеров аналогичны: 50 % считают себя патриотами, 8 % не считают, остальные 42 % затруднились с ответом.

Для следующего профиля (охранительный патриотизм) характерна многовариантность характеристик патриотизма. Тем не менее «готовность к защите Отечества от внешних угроз» является определяющей. Данная группа составляет почти треть опрошенных (30 %), она наиболее приближена к целевой модели, закрепленной в действующей программе патриотического воспитания и фактически реализуемой в рамках политики по формированию патриотизма.

Данный кластер демонстрирует показатели принадлежности и привязанности выше средних по выборке и средний уровень по темпоральным ориентациям и вовлеченности. Опыт гражданского участия по большинству форм ниже, чем в целом по выборке, 22 % респондентов вообще его не имеют. В этой группе доля тех, кто считает себя патриотом и «непатриотом», больше, чем в других кластерах (58 и 13 % соответственно), а доля неопределившихся меньше (28 %).

Обсуждение и выводы

По результатам исследований наблюдается устойчивая связь с базовыми социокультурными привязанностями (с землей, языком, традициями) и государством как основа представлений студенческой молодежи о патриотизме. К ядру представлений также можно отнести стремление развивать страну, город; осознание

долга и гражданских обязанностей; причастность к прошлому, настоящему и будущему страны; готовность к защите Отечества от внешних угроз. Большинство из перечисленных позиций концептуально ближе к гражданским смыслам данного феномена. Причем наблюдается довольно заметная их актуализация по сравнению с исследованием 2019 г., при этом иные параметры, которые условно можно отнести к периферии, варьируются менее существенно.

Как показал анкетный опрос, представления о патриотизме неоднородны, значительно различаются не только по содержательному наполнению, но и по степени насыщенности образа. С помощью анализа латентных классов выделены шесть кластеров, имеющих однородную структуру представлений о патриотизме, — профили патриотизма. Не поддающиеся содержательной интерпретации профили — плюральный, характеризующий расширенное понимание, и сингулярный, акцентированный на одном-двух признаках, составили чуть больше одной пятой части выборки. Охранительный, культурно-исторический и государственный профили составляют ядро представлений (около 70 % от выборки). Они довольно схожи между собой, но имеют особые акценты. Гражданский смысл в восприятии патриотизма четко прослеживается лишь у каждого десятого опрошенного.

Описаны сходства и различия гражданско-патриотических ориентаций и опыта гражданского участия представителей выделенных кластеров. На основании результатов исследования можно также сделать вывод об отсутствии прямой связи между представлениями о патриотизме и гражданско-патриотическими ориентациями. Однако характер этой связи может существенно различаться в разных группах. Так среди тех, у кого доминирующими в образе являются гражданские и охранительные коннотации, наиболее выражены гражданско-патриотические установки и гражданское участие. Но привязка патриотизма к принадлежности государству, судя по результатам исследования, не является фактором, повышающим гражданскую активность и чувство патриотизма.

Большинство гипотез исследования не подтвердилось, что может говорить о размытости представлений о патриотизме (образа патриотизма). Например, доминирование гражданского образа патриотизма не является определяющим в гражданской активности, гражданских ценностях и идентичности.

Методика исследования, полученный в ходе его проведения эмпирический материал, а также методы анализа данных могут быть использованы в практике реализации молодежной политики, направленной на формирование гражданственности и патриотизма, прежде всего в рамках подсистемы аналитического сопровождения.

Литература

1. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20>
2. Ariely G. Measuring dimensions of national identity across countries: Theoretical and methodological reflections // National Identities. 2020. Vol. 22, no. 3. P. 265–282. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1694497>
3. Bitschnau M., Mußotter M. (National) pride and (conceptual) prejudice: Critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism // Journal of Political Ideologies. 2024. Vol. 29. P. 64–78. <https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2096301>
4. Brubaker R. In the name of the nation: Reflections on nationalism and patriotism // Citizenship Studies. 2004. Vol. 8, no. 2. P. 115–127. <https://doi.org/10.1080/1362102042000214705>

5. Huddy L., Del Ponte A., Davies C. Nationalism, patriotism, and support for the European Union // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. P. 995–1017. <https://doi.org/10.1111/pops.12731>
6. Westheimer J. Politics and patriotism in education // *Phi Delta Kappan*. 2006. Vol. 87, no. 8. P. 608–620. <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>
7. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 4. С. 31–43.
8. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>
9. Kahne J. Patriotism good for democracy? A study of high school seniors' patriotic commitments // *Phi Delta Kappan*. 2006. Vol. 87, no. 8. P. 600–607. <https://doi.org/10.1177/003172170608700815>
10. Straughn J. B., Andriot A. L. Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement // *Sociological Forum*. 2011. Vol. 26, no. 3. P. 556–580. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x>
11. Smith S. B. Patriotism as loyalty // *Social Research: An International Quarterly*. 2019. Vol. 86, no. 3. P. 583–605. <https://doi.org/10.1353/sor.2019.0030>
12. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8, № 2. С. 47–66. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3>
13. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11>
14. Фан И. Б. Гражданственность в публичном дискурсе России // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021. Т. 15, № 1. С. 74–83.
15. Фан И. Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // *Дискурс-Пи*. 2013. Т. 10, № 1–2. С. 147–154.
16. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, no. 1. P. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
17. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP // *International Journal of Public Opinion Research*. 2011. Vol. 23, no. 1. P. 88–103. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq031>
18. Schatz R. T. A review and integration of research on blind and constructive Patriotism // Sardoc M. (ed.). *Handbook of Patriotism*. Berlin: Springer, 2018. P. 1–19. https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1
19. Palumbo A. Patriotism and pluralism: Identification and compliance in the post-national polity // *Ethics & Global Politics*. 2009. Vol. 2, no. 4. P. 321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>
20. Магарил С. А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 142–151.
21. Dausé F., Laruelle M., Huérou A. L., Rousselet K. Introduction: What does it mean to be a patriot? // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, no. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.986964>
22. Kalinina E. Becoming patriots in Russia: Biopolitics, fashion, and nostalgia // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, no. 1. P. 8–24. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1267133>
23. Gavriluk T., Malenkov V. Russian working class youth media representation: the discourse analysis experience // *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research*. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. Ekaterinburg, 2020. P. 289–294.
24. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2. С. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
25. Нартова Н. А., Саблина А. А., Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. Т. 20, № 1. С. 7–22.
26. Майборода А., Саблина А., Ясавеев И.* Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России // *Социологическое обозрение*. 2021. № 20 (3). С. 71–97.

*Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

27. Ясавеев И. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. 2016. № 15 (3). С. 49–67.
28. Гончарова Н. В., Ясавеев И. Г. Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>
29. Омельченко Е. Л. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / под ред. Е. Омельченко и Х. Пилкингтон. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 261–310.
30. Касама В. А., Сорокина А. А. «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 99–110.
31. Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>
32. Goode P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia // Kolsto P., Blakkisrud H. (eds). Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 258–281. <https://doi.org/10.1515/9781474433877-016>
33. Krupets Ya., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. Imagining young adults' citizenship in Russia: From fatalism to affective ideas of belonging // Journal of Youth Studies. 2017. Vol. 20, no. 2. P. 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
34. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Факторы формирования патриотических ценностей и установок у старших школьников (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 3. С. 559–578. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578>
35. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 49–60. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60>
36. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Ключева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-63-78>
37. Изченков С. Г., Сайганова Е. В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643>
38. Каира Ю. В., Кондратова Е. К. Ценности патриотизма молодежи как ресурс социально-го развития общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 6. С. 106–123. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-106-123>
39. Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Дубина А. Ш. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 76–88. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-8>
40. Ктиторов С. Н., Пелих А. Л., Хлопкова В. М., Шнайдер В. Г. Исследование сформированности духовных ценностей, патриотизма и гражданственности у студентов и преподавателей педагогического вуза // Перспективы науки и образования. 2023. № 3 (63). С. 27–49. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.2>
41. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
42. Magidson J., Vermunt J. K. Latent class models // Kaplan D. (ed.) The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences. Thousands Oaks: Sage, 2004. P. 175–198. URL: <https://pure.uvt.nl/ws/files/624151/kaplan2004.PDF> (дата обращения: 17.08.2023).

Статья поступила в редакцию 19 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Маленков Вячеслав Викторович — канд. социол. наук, доц.; vvmalenkov@gmail.com
Мальцева Наталья Владимировна — канд. социол. наук, доц.; n.v.malceva@utmn.ru

Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen

V. V. Malenkov, N. V. Maltseva

Tyumen State University,

6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation

For citation: Malenkov V. V., Maltseva N. V. Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 159–174. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.203> (In Russian)

Studying the profiles of patriotism and their representations in students' consciousness is relevant in terms of updating patriotic education aimed at developing civic potential, sustaining civicism. The aim of the article is to describe the structure of students' perceptions of patriotism, to identify the scale of different representations of patriotism, their correlation with civic consciousness and various forms of social and political activity. The empirical study is based on the questionnaire survey carried out among university students in Tyumen in February – March 2023 ($N = 554$). At the first stage, the data was processed through frequency table analysis and ranking method. The obtained results were compared to those of the 2019 study ($N = 577$). At the second stage, clusters of respondents with different ideas about patriotism were identified through latent class analysis. The analysis of contingency tables and one-way analysis of variance found differences in the ideas of civic and patriotic consciousness, and civic engagement. The results showed a strong connection with basic socio-cultural attachments (homeland, language, traditions) as components of students' perceptions of patriotism, and a traditional close correlation between patriotism and the nation/state. The core perceptions also included aspiration for the development of one's country; a sense of duty, awareness of one's civic responsibilities; a feeling of involvement in the past, the present and the future of one's homeland; readiness to defend one's homeland against external threats. The four content profiles of patriotism were identified: national, cultural and historical, protective, civic, and two profiles, i. e. plural and singular, characterised by broad and narrow understandings of patriotism. The article describes similarities and differences of civic and patriotic ideas and experience of civic engagement.

Keywords: patriotism, civicism, civic patriotism, civic values, student youth.

References

1. Selezneva, A. V. Patriotism as a political value: Political psychological analysis. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 200–208. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20> (In Russian)
2. Ariely, G. Measuring dimensions of national identity across countries: Theoretical and methodological reflections. *National Identities*, 2020, vol. 22, no. 3, pp. 265–282. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1694497>
3. Bitschnau, M., Mußotter, M. (National) pride and (conceptual) prejudice: Critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism. *Journal of Political Ideologies*, 2024, vol. 29, pp. 64–78. <https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2096301>
4. Brubaker, R. In the name of the nation: Reflections on nationalism and patriotism. *Citizenship Studies*, 2004, vol. 8, no. 2, pp. 115–127. <https://doi.org/10.1080/1362102042000214705>
5. Huddy, L., Del Ponte, A., Davies, C. Nationalism, patriotism, and support for the European Union. *Political Psychology*, 2021, vol. 42, pp. 995–1017. <https://doi.org/10.1111/pops.12731>
6. Westheimer, J. Politics and patriotism in education. *Phi Delta Kappan*, 2006, vol. 87, no. 8, pp. 608–620. <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>
7. Martynov, M. Yu., Gaberkorn, A. I. How do we measure patriotism? On the conceptualization of the concept. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 31–43. (In Russian)
8. Martynov, M. Yu., Fadeyeva, L. A., Gaberkorn, A. I. Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2020, no. 2, pp. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08> (In Russian)

9. Kahne, J. Patriotism good for democracy? A study of high school seniors' patriotic commitments. *Phi Delta Kappan*, 2006, vol. 87, no. 8, pp. 600–607. <https://doi.org/10.1177/003172170608700815>
10. Straughn, J. B., Andriot, A. L. Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement. *Sociological Forum*, 2011, vol. 26, no. 3, pp. 556–580. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x>
11. Smith, S. B. Patriotism as loyalty. *Social Research: An International Quarterly*, 2019, vol. 86, no. 3, pp. 583–605. <https://doi.org/10.1353/sor.2019.0030>
12. Lubskii, A. V. Patriotism and citizenship in Russian society, or How to overcome the deficiency of citizenship in Russian patriotism. *Humanitarians of the South of Russia*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 47–66. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3> (In Russian)
13. Malenkov, V. V. Patriotism, civicism in politics and identity of youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2022, no. 67, pp. 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11> (In Russian)
14. Fan, I. B. Civic consciousness in Russian public discourse. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 74–83. (In Russian)
15. Fan, I. B. The discourse of patriotism: From diversity to monopoly. *Discourse-P*, 2013, vol. 10, no. 1–2, pp. 147–154. (In Russian)
16. Schatz, R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 1999, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
17. Davidov, E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 88–103. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq031>
18. Schatz, R. T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: Sardoc M. (ed.). *Handbook of Patriotism* (pp. 1–19). Cham, Springer, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1
19. Palumbo, A. Patriotism and pluralism: Identification and compliance in the post-national polity. *Ethics & Global Politics*, 2009, vol. 2, no. 4, pp. 321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>
20. Magaril, S. A. Meanings of patriotism — historical transformations. *Sociological Studies*, 2016, no. 1, pp. 142–151. (In Russian)
21. Daucé, F., Laruelle, M., Huérou, A. L., Rousselet, K. Introduction: What does it mean to be a patriot? *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 1, pp. 1–7.
22. Kalinina, E. Becoming patriots in Russia: Biopolitics, fashion, and nostalgia. *Nationalities Papers*, 2017, vol. 45, no. 1, pp. 8–24.
23. Gavriluk, T., Malenkov, V. Russian working class youth media representation: the discourse analysis experience. In: *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan* (pp. 289–294). Ekaterinburg, 2020. (In Russian)
24. Omelchenko, E. L., Lisovskaya, I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 2, pp. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078> (In Russian)
25. Nartova, N., Sablina, A., Kuziner, E., Petrunina, D. Analysis of discursive regimes of transition to adulthood in the normative documents of youth policy in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22> (In Russian)
26. Maiboroda, A., Sablina, A., Yasaveev, I.* The state for youth or youth for the state: Discourses of youth policy in the EU and Russia. *Russian Sociological Review*, 2021, no. 20 (3), pp. 71–97. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-3-71-97> (In Russian)
27. Jasaveev, I. Motifs of government rhetoric on youth in Russia. *Russian Sociological Review*, 2016, no. 15 (3), pp. 49–67. (In Russian)
28. Goncharova, N. V., Yasaveev, I. G. The meanings of WW2 search work in Russia in the rhetoric of state authorities and the searchers themselves. *Universe of Russia*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173> (In Russian)
29. Omelchenko, E. L. How to teach to love the homeland? Discursive practices of patriotic education of youth. In: Omelchenko E., Pilkington H. (eds). *Where Does the Homeland Begin: Youth in the Labyrinths of Patriotism*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Press, 2012, pp. 261–310. (In Russian)
30. Kasamara, V., Sorokina, A. “Where does the motherland begin”: Perceptions of patriotism among university students. *Social Sciences and Contemporary World*, 2016, no. 6, pp. 99–110.

*Recognized as a foreign agent in the Russian Federation.

31. Omelchenko, D. A., Omelchenko, E. L. In search of home. The regional identity of young Kaliningraders: Life strategies and migration intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 6, pp. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317> (In Russian)
32. Goode, P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. In: *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity. 2010–2017*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2018, pp. 258–281. <https://doi.org/10.1515/9781474433877-016>
33. Krupets, Ya., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., Sabirova, G. Imagining young adults' citizenship in Russia: From fatalism to affective ideas of belonging. *Journal of Youth Studies*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
34. Aseev, S. Yu., Shashkova, Ya. Yu. Factors in the formation of patriotic values and attitudes in high school seniors (case study of Siberian federal district). *Integration of Education*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 559–578. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578> (In Russian)
35. Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. Correlation of identity structure and patriotism patterns among high school students in Siberian regions. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 2023, no. 2, pp. 49–60. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60> (In Russian)
36. Shinyaeva, O. V., Akhmetshina, E. R., Klyueva, T. V. Patriotism and civic positions of students of higher educational institutions in the context of social modernization. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, 2021, no. 3, pp. 63–78. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-63-78> (In Russian)
37. Ivchenkov, S. G., Sayganova, E. V. Values and their influence on the perception of patriotism among young people. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643> (In Russian)
38. Kaira, Yu. V., Kondratova, E. K. The values of patriotism of the youth of the Russian Federation as a resource for the social development of society. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 17, no. 6, pp. 106–123. (In Russian)
39. Rozhkova, L. V., Sal'nikova, O. V., Dubina, A. Sh. The structure and dynamics of patriotic values of modern student youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2023, no. 1, pp. 76–88. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-8> (In Russian)
40. Ktitorov, S. N., Pelikh, A. L., Khlopikova, V. M., Schneider, V. G. The study of the formation of spiritual values, patriotism and citizenship among students and teachers of a pedagogical university. *Perspectives of Science and Education*, 2023, vol. 63, no. 3, pp. 27–49. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.2> (In Russian)
41. Bovina, I. B. Specific of approaches to social representations analysis. *Sociological Journal*, 2011, no. 3, pp. 5–23. (In Russian)
42. Magidson, J., Vermunt, J. K. Latent class models. In: Kaplan D. (ed.). *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences*. Thousand Oaks, Sage, 2004, pp. 175–198. Available at: <https://pure.uvt.nl/ws/files/624151/kaplan2004.PDF> (accessed: 17.08.2023).

Received: October 19, 2023

Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Vyacheslav V. Malenkov — PhD in Sociology; vvmalenkov@gmail.com

Natalya V. Maltseva — PhD in Sociology; n.v.maltseva@utmn.ru